ОДЕРЖИМОСТЬ МЕСЯЦА №1

Импрессионисты

30 вечеров погружения

Одна тема на месяц —
вместо бесконечной ленты

15–20
минут
в вечер

Варя Мороз

Импрессионисты, над которыми смеялся весь Париж. 30 вечеров погружения

https://litres.ru/74985043
SelfPub; 2026

Аннотация

Вечер ушёл в ленту — и снова ничего не осталось?

Час скроллинга, сотни картинок, а в голове пусто. Есть другой способ отдыхать — и за границей он уже стал трендом: «одержимость месяца». Вы выбираете одну тему и на месяц погружаетесь в неё по-настоящему.

Эта книга — готовая одержимость. 30 вечеров по 15–20 минут с художниками, над которыми смеялся весь Париж и чьи картины сегодня собирают очереди в музеях мира.

Вы узнаете:

— почему «Олимпия» взорвала Париж и что не так с её взглядом;

— как металлический тюбик с краской вывел живопись на улицу;

— почему тени на картинах синие, а Моне писал один стог двадцать раз;

— как картины импрессионистов попали в Москву и Петербург.

Каждый вечер — история, картина для медленного разглядывания и маленькое задание. К концу месяца вы будете отличать Моне от Мане с первого взгляда и соберёте свой воображаемый музей из десяти любимых картин.

Без экзаменов и дедлайнов. Только любопытство и красота.

Содержание

Импрессионисты. 30 вечеров погружения 5
Как читать эту книгу 5
Неделя 1. Бунт 9
Вечер 1. Париж, который перестроили за двадцать лет 10
Император и его префект 11
Город для прогулок и наблюдений 12
Зачем это знать 13
Дом как слоёный пирог 14
Рассмотрим ближе: «Парижская улица в дождливую погоду» 15
Город, который строится 17
Вечер 2. Салон: как выглядела «правильная» живопись 20
Главная сцена страны 21
Лестница жанров 22
Гладко, как фарфор 23
Звезда Салона 1863 года 24
Как устроена карьера художника 25
Рассмотрим ближе: «Рождение Венеры» 26
Вернисаж 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Импрессионисты, над которыми смеялся весь Париж. 30 вечеров погружения

Импрессионисты. 30 вечеров погружения

Как читать эту книгу

Знакомо чувство, когда час листаете ленту, а в голове потом пусто? Теперь представьте другой вечер. Вы садитесь с чаем и минут на двадцать уходите в одну тему. Не в сто, а в одну. Через неделю у вас появляются любимые герои, через две вы замечаете их повсюду, а через месяц можете час рассказывать друзьям о том, о чём ещё недавно не знали ничего.

За границей из этого уже вырос целый тренд. Кто-то составляет себе «учебный план на месяц», как в школе, только по темам, которые выбрал сам. Кто-то устраивает вечеринки, где каждый гость показывает презентацию о своей теку-

щей одержимости. А блогеры рассказывают, как выбирают на месяц одну тему и отдают ей всё свободное время.

Почему это так затягивает:

•

Месяц — идеальный срок.

Хватает, чтобы погрузиться по-настоящему, и не успевает надоесть или превратиться в обязанность.

•

Не нужно выбирать каждый вечер.

Тема уже есть, просто открываете следующую главу.

•

Вместо ленты — знание.

Его можно рассказать, показать, обсудить, и оно остаётся с вами.

•

Мир становится интереснее.

Вы начинаете узнавать свою тему в музее, в кино, в рекламе, в чужом интерьере.

•

Это чистое удовольствие.

Любопытство без экзаменов, оценок и дедлайнов.

Эта книга — готовая одержимость. Тридцать вечеров с компанией художников, которых в молодости высмеивали газеты, а сегодня их картины собирают очереди в музеях по всему миру. К концу месяца вы будете отличать Моне от Мане с первого взгляда, знать, почему тени на их картинах си-

ние, и соберёте собственную коллекцию из десяти любимых картин — свой воображаемый музей.

Как устроен вечер. Каждая глава читается за 15–20 минут. После истории идут четыре коротких блока:

•

Посмотрите

— картина или место, которое стоит найти в интернете и рассмотреть крупно.

•

Задание

— что-то маленькое, что можно сделать прямо сегодня.

•

В дневник

— один вопрос для тетради или заметок в телефоне.

•

Факт вечера

— то, что захочется рассказать друзьям или выложить в сторис.

Как проходить месяц. Выберите своё время и своё место: чай перед сном, плед, настольная лампа. Пропустили вечер — ничего страшного, просто продолжайте с того места, где остановились. Это не курс и не экзамен, а удовольствие.

Трекер одержимости

- ☐ Неделя 1. Бунт (вечера 1–7)
- ☐ Неделя 2. Герои (вечера 8–14)
- ☐ Неделя 3. Как они видели (вечера 15–21)

- ☐ Неделя 4. После бунта (вечера 22–28)
- ☐ Финал (вечера 29–30)

Неделя 1. Бунт

Чтобы понять, почему импрессионизм был скандалом, нужно сначала увидеть, против чего он бунтовал. Эта неделя — про город, правила и первые скандалы.

Вечер 1. Париж, который перестроили за двадцать лет

Представьте Париж, который вы знаете по фотографиям: широкие бульвары, светлые дома с коваными балконами, каштаны, столики кафе на тротуарах. А теперь уберите всё это. В середине XIX века на его месте стоял средневековый город: узкие кривые улочки, куда почти не попадало солнце, нечистоты в канавах, теснота и запах. В 1832 и 1849 годах через него прокатились эпидемии холеры, унесшие десятки тысяч жизней.

Импрессионисты выросли вместе с новым Парижем — тем, что строился прямо у них на глазах. И чтобы понять их картины, сначала нужно увидеть, как старый город за двадцать лет превратился в новый.

Император и его префект

В 1852 году императором Франции стал Наполеон III, племянник знаменитого Наполеона. Он много лет прожил в Лондоне и вернулся с мечтой: сделать столицу самым современным городом Европы. Для этого ему нужен был человек, который не боится ничего ломать.

Таким человеком оказался барон Жорж-Эжен Осман, который в 1853 году стал префектом департамента Сена. За следующие семнадцать лет он буквально разрезал старый город прямыми линиями новых бульваров. Сносили целые кварталы, прокладывали канализацию и водопровод, разбивали парки, ставили газовые фонари. Париж на два десятилетия превратился в одну большую стройку — с пылью, шумом и лесами.

У этого блеска была и обратная сторона. Бедняков, живших в снесённых домах, вытеснили на окраины: аренда в новых домах была им не по карману. Критики говорили и о другом: по широким прямым улицам удобнее гнать войска, а баррикады на них строить сложнее. В 1870 году Османа отправили в отставку — слишком дорого обошлась его стройка.

Город для прогулок и наблюдений

Новый Париж был создан для людей, которые гуляют. На бульварах открывались кафе со столиками на улице. Появились первые универмаги — вроде «О-Бон-Марше», куда можно было прийти просто посмотреть. По новым железным дорогам парижане по выходным уезжали за город — к реке, на лодки и танцплощадки. К концу 1860-х в городе жило уже почти два миллиона человек.

У французов даже было слово для такого человека — фланёр. Это горожанин, который без цели бродит по улицам и наблюдает: кто во что одет, кто с кем сидит в кафе, как падает свет на мокрую мостовую. Импрессионисты и были такими фланёрами — только с кистью.

В 1863 году поэт Шарль Бодлер опубликовал эссе «Художник современной жизни». Его мысль была простой и дерзкой: хватит писать древних богов и римских героев, самая интересная жизнь происходит сейчас, на улице за окном. Импрессионисты восприняли это почти как программу. Их герои — не Венера и не Цезарь, а девушка за стойкой бара, паровоз в клубах пара и прохожие под зонтами.

Зачем это знать

Когда в ближайшие вечера вы будете смотреть на картины Моне, Ренуара и Кайботта, помните: это не «старина». Для них это была самая свежая современность — как для нас стеклянные башни и эскалаторы в торговом центре. Импрессионизм — это инстаграм своего времени: стоп-кадры новой жизни.

Дом как слоёный пирог

Османовский дом можно читать как социальную схему, разрезанную по этажам. Внизу, на уровне улицы, — лавки и кафе. Над ними антресоль, где жили сами лавочники. Дальше начинался «благородный этаж» — с самыми высокими потолками и сплошным балконом вдоль всего фасада. Там селились богатые семьи: лифтов ещё не было, и чем ниже, тем престижнее.

Выше этажи становились скромнее, потолки ниже, балконы исчезали. А под самой крышей, в мансардах с маленькими окнами, ютились служанки, студенты и начинающие художники. Многие наши герои в молодости жили именно там, под цинковой кровлей: летом в этих комнатах было душно, зимой холодно. Получается, что в одном доме, на одной лестнице, жил весь Париж — от банкира до горничной. Только по разным этажам.

Рассмотрим ближе: «Парижская улица в дождливую погоду»

Эту картину Кайботт показал на третьей выставке импрессионистов в 1877 году. Она огромная — почти два на три метра. Фигуры на переднем плане почти в рост человека: стоя перед холстом, вы словно оказываетесь на перекрёстке у вокзала Сен-Лазар. Сегодня картина хранится в Чикагском институте искусств и считается одной из главных её жемчужин.

Посмотрите, как она построена. Ровно посередине стоит зелёный фонарный столб, а от него вверх и вниз уходит линия, которая делит картину на две половины. Слева — простор, уходящая вдаль площадь, одинаковые дома. Справа — крупно, почти вплотную к нам, пара под зонтом. Мужчина в цилиндре, женщина в вуали с жемчужной серёжкой. Они идут прямо на нас, но смотрят куда-то в сторону.

А теперь найдите остальных прохожих. Каждый идёт сам по себе, у каждого свой зонт, никто ни с кем не разговаривает. Зонты похожи друг на друга, как фасады домов. Это и есть новый город: красивый, просторный, удобный — и немного одинокий. Мы живём рядом с тысячами людей и при этом почти никого не знаем. Кайботт заметил это раньше многих.

И ещё одна деталь: брусчатка. Каждый камень мостовой блестит от дождя. Кайботт писал медленно и тщательно, совсем не так, как Моне. Его часто называют «самым реалистичным из импрессионистов» — он брал у друзей сюжеты и свежий взгляд, но не их быстрый мазок.

Город, который строится

Если бы вы приехали в Париж в 1860-е, вы бы попали на гигантскую стройку. Сносили целые кварталы — по некоторым оценкам, десятки тысяч домов. Строили новую Оперу, которую откроют только в 1875 году. Вокруг леса, грохот телег, известковая пыль. Писатель Эмиль Золя, наш будущий знакомый, потом опишет в романе «Добыча», как город кромсают, будто саблей.

Многие парижане тосковали по старому городу. Бодлер написал об этом строчки, которые потом цитировали десятилетиями: облик города, по его словам, меняется быстрее, чем сердце человека. Импрессионисты выросли внутри этой перемены — и, в отличие от многих, полюбили новый город.

Посмотрите. Гюстав Кайботт, «Парижская улица в дождливую погоду» (1877). Это тот самый новый Париж Османа: широкий перекрёсток, одинаковые светлые фасады, фонарь, мокрая брусчатка. Присмотритесь к паре на переднем плане: куда они смотрят?

Гюстав Кайботт, «Парижская улица в дождливую погоду», 1877

Задание. Найдите в интернете фотографии Шарля Марвиля — он снимал старые парижские улицы перед сносом по заказу города. Положите рядом с картиной Кайботта и сравните два Парижа.

В дневник. Какое место в вашем городе изменилось у вас на глазах? Что бы вы нарисовали, если бы были художником современной жизни?

Факт вечера. Знаменитые одинаковые фасады Парижа — не случайность: при Османе высоту домов, линии балконов и даже камень для фасадов задавали правила. Город строили как единую декорацию.

Вечер 2. Салон: как выглядела «правильная» живопись

В Париже 1860-х у художника был, по сути, один шанс стать известным. Его называли коротко и с большой буквы — Салон.

Главная сцена страны

Салон — это официальная выставка, которую проводили с XVII века. Своё имя он получил от Квадратного салона Лувра, где когда-то вешали картины. К временам наших героев выставка переехала в огромный Дворец промышленности на Елисейских полях и превратилась в самое модное событие года.

На Салон шли все: аристократы, буржуа, студенты, горничные. За сезон выставку посещали сотни тысяч человек. Газеты писали о ней неделями, карикатуристы рисовали пародии на главные картины. Попасть в Салон значило получить заказы, учеников и шанс, что вашу работу купит государство. Не попасть — почти не существовать.

Решало жюри, и в нём сидели в основном профессора и члены Академии изящных искусств. Нетрудно догадаться, какое искусство им нравилось.

Лестница жанров

У Академии была чёткая иерархия: что изображать почётно, а что — так, для души.

Историческая живопись — сюжеты из Библии, мифологии и истории. На вершине, обычно на гигантских холстах.

Портрет.

Бытовая сцена — обычные люди за обычными делами.

Пейзаж.

Натюрморт — в самом низу.

Запомните эту лестницу. Импрессионисты перевернут её: их главными темами станут как раз нижние ступеньки — пейзажи и сценки из жизни.

Гладко, как фарфор

Важна была и манера. Хорошая академическая картина должна была быть «законченной»: идеально гладкая поверхность, ни одного видимого мазка, точный рисунок. Сначала десятки эскизов, потом месяцы работы в мастерской. Свет ставили как в театре, тени делали тёмными и тёплыми.

Развеска тоже была искусством. Картины висели плотно, рама к раме, от пола до потолка. Попасть «на уровень глаз» было победой. Маленький пейзаж неизвестного художника запросто мог оказаться под самым потолком, где его никто не рассмотрит.

Звезда Салона 1863 года

В 1863 году хитом Салона стало «Рождение Венеры» Александра Кабанеля. Обнажённая богиня с фарфоровой кожей лежит на волнах, над ней кружат путти — пухлые крылатые младенцы, частые спутники богинь в живописи. Картина так понравилась Наполеону III, что он купил её для себя.

Обратите внимание: обнажённое тело здесь никого не смущало. Это же богиня, миф, идеал. Запомните эту деталь — завтра она станет ключом к одному из главных скандалов в истории искусства.

Как устроена карьера художника

В 1860-е путь к успеху был расписан почти как служебная лестница. Сначала частная мастерская известного художника — например, мастерская Шарля Глейра, где учились Моне, Ренуар, Сислей и Базиль. Потом Школа изящных искусств, куда поступали по строгому конкурсу. Её лучший ученик получал Римскую премию — несколько лет жизни и учёбы в Риме, на вилле Медичи, за счёт государства.

Дальше — Салон. Принятая картина могла получить медаль. Получивший несколько медалей становился «вне конкурса», то есть мог выставлять работы без проверки жюри. Потом орден Почётного легиона, место профессора, кресло в Академии. Кабанель прошёл этот путь почти идеально: в том же 1863 году, когда его Венера стала хитом, его избрали в Академию и сделали профессором Школы изящных искусств. Среди его будущих учеников будет несколько сотен художников.

Импрессионисты по этой лестнице подниматься не стали. Кто-то пытался и срывался, кто-то сразу махнул рукой. Им пришлось придумывать свой путь — и в этом, пожалуй, их главная смелость.

Рассмотрим ближе: «Рождение Венеры»

Откройте картину Кабанеля и посмотрите на неё не как на скучную академическую классику, а как на очень продуманную рекламу. Всё здесь рассчитано.

Венера лежит на гребне волны, которая подхватывает её, как мягкая постель. Пена превращается в кружево. Тело светится нежно-розовым, без единой тени, как фарфоровая статуэтка. Волосы струятся по воде длинными волнами. Над ней кружат путти, некоторые трубят в раковины.

А теперь обратите внимание на руку. Венера закрывает ею лицо, но из-под локтя приоткрыт один глаз. Она как будто спит — или делает вид, что спит. Зрителю можно смотреть на неё сколько угодно: она его «не видит», а значит, и стыдиться нечего. Вся откровенность картины спрятана за мифом. Это и есть главный приём салонной живописи: обнажённое тело можно показывать, если назвать его богиней.

Критики того времени, кстати, хорошо это понимали. Некоторые иронизировали, что Венера Кабанеля слишком уж соблазнительна для богини. Но в целом публика была в восторге — и картина ушла в коллекцию императора.

Вернисаж

Самым модным днём сезона был день перед открытием Салона. По традиции художникам разрешали в последний раз покрыть свои картины лаком прямо на стене. По-французски лак — vernis, а этот день стали называть вернисажем. Со временем лакировка стала поводом: в залы пускали избранную публику, критиков, светских дам. Это была премьера, на которую мечтали попасть все.

Слово прижилось, и сегодня любое торжественное открытие выставки по всему миру называют вернисажем — хотя картины давно никто не лакирует.

Посмотрите. Александр Кабанель, «Рождение Венеры» (1863), музей Орсе. Для сравнения — любая картина Вильяма Бугеро, ещё одной звезды Салона.

Александр Кабанель, «Рождение Венеры», 1863

Задание. Откройте «Рождение Венеры» в хорошем разрешении и увеличьте как можно сильнее. Попробуйте найти хотя бы один мазок кисти. Получилось?

В дневник. Как вы считаете, существует ли «правильное» искусство сейчас?

Факт вечера. Выражение «салонное искусство» сегодня звучит пренебрежительно — красиво, но пусто. А в 1863 году Кабанель был намного знаменитее любого из импрессионистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.